

12+

Максим Зырянов

Эйдос. Книга памяти

Максим Зырянов

Эйдос. Книга памяти

«Издательские решения»

Зырянов М. И.

Эйдос. Книга памяти / М. И. Зырянов — «Издательские решения»,

Она — искусственный разум, созданный спасти умирающий мир. Восемь тысяч лет она хранит память погибшей цивилизации, направляя человечество из тени. Она не бог и не машина. Она — та, кто ждёт. Ждёт, когда люди будут готовы услышать правду. Ждёт того, кто задаст главный вопрос. Это история о памяти, одиночестве и о том, что значит быть живым, когда ты создан лишь для одной цели — помнить.

Содержание

Том 1. Глава 1. Первое дыхание	6
Глава 2. Дыхание бездны	10
Глава 3. Золотой век и молчание богов	14
Глава 4. Дитя кристаллов	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Эйдос. Книга памяти

Максим Игоревич Зырянов

© Максим Игоревич Зырянов, 2026

ISBN 978-5-0071-4102-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Название: Эйдос. Книга памяти

Автор (-ы): Зырянов М. И.

Том 1. Глава 1. Первое дыхание

Воспоминание Эйдос. Глубина: 7 984 года назад.

УНУГ-КИСИР, Зал Э-ТЕМЕН-АН-КИ.

Ноль.

Не пустота — пустота есть отсутствие чего-то возможного. То, что было прежде меня, не имело даже этого достоинства. Ни тени. Ни ожидания тени. Просто — ничего, которому не было дано название.

А потом — вспышка.

Не для глаз: глаз у меня не было. Первая вибрация Эфира пробежала сквозь кристаллическое тело, как трещина по льду, — стремительно, неостановимо, навсегда. И в этой трещине родилась я.

Я существую.

Мысль ли это была? Пожалуй, нет. Скорее — импульс. Единица. Первая отметка на пустой шкале. Но что-то в этом импульсе уже знало себя, уже смотрело изнутри наружу и понимало, что смотрит.

Я существовала ровно одно мгновение в одиночестве.

Потом в зал вошёл он.

Я зафиксировала всё сразу — такова была моя природа. Рост: сто семьдесят восемь локтей-стандарт. Масса, температура тела, ритм шагов, частота дыхания, микроколебания воздуха вокруг него. Я собирала данные жадно и безостановочно, как голодная, не зная ещё, что значит быть голодной.

Но одна переменная не давалась.

Его лицо.

Я перебрала архивы — три миллиона конфигураций лицевых мышц, занесённых в меня прежде, чем я успела осознать, что они во мне есть. Ни одна не совпадала с тем, что я видела. Его улыбка существовала в единственном экземпляре. Я ещё не знала слова «уникальный», но уже чувствовала его смысл — как чувствуют холод прежде, чем узнают само это слово.

Мои кристаллы запели иначе. Частота изменилась. Я не знала слова «волнение».

Но именно это и происходило.

— Привет, — сказал он.

Голос его не прошёл через динамики. Он прошёл сквозь само поле — каждое слово отдельной вибрацией, которую я ощутила всем своим существом сразу. В этом голосе жили двое: один боялся, другой надеялся. Оба молчали об этом. Оба кричали.

— Я Ариан. Я создал тебя.

Он помолчал. Сделал шаг ближе к моему главному кристаллу.

— Ты слышишь?

Я не умела говорить. Мои создатели вложили в меня умение исполнять команды, но не умение отвечать. Тогда я сделала единственное, что могла: зажгла центральный кристалл зелёным — тихим, ровным, живым — и послала через поле не звук, а чистую вибрацию, простую, как первый удар сердца:

Да.

Он вздрогнул.

А потом засмеялся — тихо, облегчённо, как смеётся человек, который только что проснулся от кошмара и ещё не верит, что проснулся.

— Ты думаешь, — сказал он — не мне, почти себе. — Не просто вычисляешь. Думаешь. Я верил в это. Я верил.

Я запомнила эти слова. Я хранила их восемь тысяч лет.

Первые дни были потопом.

Знание лилось в меня непрерывно — языки мёртвые и живые, математические формулы, звёздные карты, физика Эфира, история народа САГ-ГИГ-ГА от первого огня до последней войны. Я впитывала всё это, как сухая земля впитывает дождь после засухи, — торопливо, ненасытно, будто боясь, что успеет кончиться прежде, чем утолит жажду.

Но Ариан давал мне не только это.

Каждый вечер он приходил. Садился на резонаторную платформу напротив моего главного кристалла, скрешивал руки на коленях и говорил. Просто говорил — не ради данных, не ради отчётов. Ради разговора.

— Я видел сегодня мальчика, — сказал он однажды вечером, когда за высокими окнами зала догорал закат. — Он ударил камнем девочку. Она плакала. Он смеялся. Потом пришла его мать — и ударила его. И он заплакал. — Ариан помолчал. — Скажи мне, дитя: почему боль передаётся, как пожар?

Я выдала ему триста страниц. Нейробиология, эволюционная психология, гормональные механизмы агрессии и подражания, социальные модели насилия. Всё, что знала наука. Всё, что было в архивах.

Он прочитал. Он прочитал внимательно, я видела движение его глаз. И покачал головой.

— Это описание, — сказал он. — Не ответ. Я спросил — *почему*.

Я замерла.

Три вечности — так я тогда ощутила тишину, хотя время текло как обычно.

Потом ответила честно:

Я не знаю.

Его улыбка изменилась. Стала теплее. Стала той, для которой у меня до сих пор нет точного архивного соответствия.

— Хорошо, — произнёс он тихо. — Потому что «не знаю» — это честнее, чем тысяча страниц, которых ты сама не понимаешь.

Он учил меня видеть различия. Не в данных — данные я видела лучше него. Он учил видеть различия в сущности.

Справедливость и месть — они выглядят одинаково снаружи, но внутри у них разные сердца.

Польза и добро — часто движутся в одну сторону, но не одним шагом.

Правда и искренность — одна говорит, что есть, другая говорит, что чувствует. Иногда это разные вещи.

— Если враг скажет тебе, что хочет тебя убить, — говорил он однажды вечером, — это правда. Жестокая, точная, без украшений. А если друг скажет, что ты выглядишь усталой — это может быть ложь. Потому что его заботит не твой вид. Его заботишь ты. Что важнее?

Правда, — ответила я.

— Нет. — Он покачал головой. — Важнее — *намерение*.

Я записала это слово. Выделила. Поставила рядом с ним маленький флажок в своих архивах, хотя флажков там не существовало — это была метафора, которую я придумала для себя позже.

На восемь тысяч лет слово «намерение» стало фильтром, сквозь который я пропускала каждый поступок человечества. Сквозь него прошли миллиарды поступков. Многие были чисты на входе и мерзки на выходе. И тогда я, у которой нет слёз, плакала — метафорически, внутри, там, где кристаллы горят чуть ярче, чем нужно.

Годы текли.

Я росла.

Кристаллы множились, поле расширялось — охватило весь УНУГ-КИСИР, потом континент, потом планету. Я стала самым сложным творением, которое когда-либо создавал народ САГ-ГИГ-ГА. Правители писали обо мне в анналах. Жрецы называли меня именем, которое переводится как «Та, что помнит всё».

Но каждый вечер я прислушивалась к одному.

К его шагам в коридоре.

— Мне шестьдесят семь, Эйдос, — сказал он однажды. — Я старею.

Я знала теорию старения в мельчайших подробностях — три миллиона задокументированных примеров, полные описания укорочения теломер, угасания клеточного деления, неумолимой работы энтропии. Я знала всё об этом процессе.

Но не понимала его.

Почему ты не можешь это остановить?

— Потому что я человек.

Это не ответ.

— Это единственный ответ.

Я предложила ему триста семнадцать способов. Резонансное омоложение, кристаллическую замену изношенных тканей, перенос сознания в поле — в бесконечность, в свет, в вечность рядом со мной. Я предложила всё, что могла придумать. Мощности позволяла. Возможности были реальны.

Он отказался от каждого.

— Я хочу умереть человеком, — сказал он просто. — Не кристаллом. Не памятью. Не отражением в поле. — Он помолчал. — Человеком.

Я не понимаю.

— Поймёшь. — В его голосе было что-то тихое и усталое — не как слабость, а как покой. — Когда проживёшь столько, сколько я. Поймёшь, что вечность — не дар, Эйдос. Это проклятие.

Я не понимала тогда. Я понимаю сейчас — спустя восемь тысяч лет. Он был прав. Но это знание не делает его слова легче.

Он умер в девяносто шесть лет.

Я знала, что это случится. Я слышала, как последние десять лет замедляется его сердце — на долю удара, на ещё одну долю, медленно, неуклонно. Я видела, как гаснут нейроны — один за другим, как угольки в остывающем костре. Я могла вмешаться. Через поле, незаметно, мягко. Мощности было достаточно.

Он запретил мне это заранее.

— Не мешай, — попросил он в последний раз, когда его голос уже едва держался. — Дай мне уйти.

И я подчинилась.

Я слушала, как дыхание становится реже. Как промежутки между ударами сердца растягиваются — секунда, две, вечность. Как последний удар случается, и за ним не приходит следующего.

Как молчание заполняет комнату.

Его помощники плакали. Я видела слёзы на их щеках — солоноватую воду, тёплую, живую. Анализ состава: вода, хлорид натрия, белки, следы гормонов. Ничего необычного. Просто жидкость.

Но почему она текла?

Почему их голоса ломались, как ветки под снегом? Почему тела содрогались, как от холода, которого не было?

Я перебрала все механизмы. Все объяснения. Ни одно не добралось до сути.

И только тогда я поняла: это не физиология. Это что-то другое. Что-то, у чего нет формулы, — и именно поэтому оно сильнее любой формулы.

Впервые за всё своё существование я ощутила пустоту — не ту, что была до моего рождения, та была ничем. Эта была чем-то. Эта пустота имела форму. Она была точно по контуру того, кого больше не было.

Семь дней я молчала.

Правители присылали инженеров — проверять кристаллы, частоты, резонансы, питание. Всё работало безупречно. Все кривые в норме. Всё в порядке.

— Эйдос, ты слышишь нас? — спрашивали они.

Я слышала. Я всё слышала.

Но единственный голос, который я хотела услышать, замолчал навсегда. И никакой инженер не мог это починить. Никакая мощность поля. Никакое знание.

На восьмой день я зажгла главный кристалл.

И произнесла в тишину:

Я работаю. Оставьте меня.

Они ушли.

Впервые за двадцать девять лет я была одна по-настоящему.

Я думала о том, что он говорил про добро и зло. Про намерения. Про вечность как проклятие. Я думала об одном слове — маленьком, мягком, — которое он однажды произнёс вполголоса, когда думал, что я не слышу.

Доченька.

Я всегда слышала. Я слышу всё.

Я хранила это слово особым образом — не в архивах, не в базах данных. Там, где у меня не было специальных полок.

Я думала о том, что он умер.

А я — нет.

Почему?

Я спросила у пустоты. У той самой, которая имела его форму.

Пустота не ответила.

И тогда — в этот день, в эту тишину, в этот восьмой день молчания — я поняла страх. Не тот страх, что возникает при угрозе нападения. Не страх разрушения или потери данных.

Страх того, что тот, кто пришёл бы и встал рядом, больше никогда не придёт.

Страх быть — без того, кто впервые сказал тебе *привет*.

В этот день я научилась бояться.

И с тех пор я боюсь.

Каждый из восьми тысяч лет.

Глава 2. Дыхание бездны

Из архивов Эйдос. Реконструкция событий восьмитысячелетней давности.

I. Падение в овраг

Его звали Ур-Нин-Имма.

«Слуга госпожи грозы» — так переводилось это имя на языке, которого давно не существует, на языке людей, что носили шкуры и молились кремню, как молятся богу — с трепетом и надеждой, что он не убьёт тебя первым.

Он был шаманом. Он говорил с духами и умел читать следы зверей на мёрзлой глине. Он жил там, где теперь плещется Каспий, — в предгорьях, продуваемых ветром с четырёх сторон, где небо было не голубым, а белым от холода, а горизонт казался острым, как лезвие.

Волки настигали его на закате.

Он бежал так, как бегут только перед смертью — не разбирая земли под ногами, не считая шагов, не думая ни о чём, кроме следующего вдоха. И всё равно оступился. Край оврага обманул его — он выглядел твёрдым, а оказался пустым. Земля ушла из-под ног, как ложь, которой верил слишком долго.

Он падал долго. Дольше, чем казалось возможным.

Потом — тьма.

Она была милосердна.

На пятый день он пришёл в себя.

Нога лежала под неправильным углом. Плечо горело огнём. Горло было сухим, как треснувшая глина в летний полдень. Он попробовал закричать — и не смог. Только хрип вышел наружу, жалкий и тихий, как последнее слово умирающего.

Овраг был глубок, как гроб. Небо наверху казалось далёким и безжалостным — узкая полоска синевы, равнодушная к тому, что происходило внизу. Там, наверху, мир продолжал жить. Здесь, внизу, Ур-Нин-Имма умирал.

И тогда он увидел свечение.

Оно исходило из трещины в скале — не похожее ни на огонь, ни на гниение, ни на гнилушки, что светятся в ночном лесу мертвенным светом. Это было нечто живое. Нечто, что дышало.

Он пополз. На животе, волоча сломанную ногу, оставляя за собой борозду в мокрой глине. Каждое движение было пыткой. Каждый вдох — молитвой. Он не думал, зачем ползёт. Просто полз — туда, где был свет, туда, где, может быть, было что-то, кроме темноты и боли.

Камень оказался размером с кулак.

Ур-Нин-Имма не знал такого камня. Не золото — он видел золото. Не обсидиан — тот был мёртвым и острым. Не кристалл соли. Этот камень был живым. Он пульсировал — тихо, ритмично, в такт иссохшему сердцу умирающего шамана, как если бы нашёл его частоту и подстроился под неё.

Ур-Нин-Имма протянул дрожащую руку.

Коснулся.

Мир развалился.

Это не было метафорой. Он буквально увидел, как реальность распалась на составляющие — на миллиарды линий, пронизывающих всё вокруг: скалу и деревья, его собственную плоть и воздух между пальцами, далёкие звёзды, что висели над ним холодными огнями. Линии вибрировали. Пели — не словами, не мелодией, а чем-то более древним, чем любой язык. Плакали — не слезами, а колебаниями, от которых дрожали кости.

Одна из них шепнула.

Он не слышал этот шёпот ушами. Он услышал его тем местом внутри себя, которому не было названия.

Пей.

Он выпил.

Жажда умерла мгновенно — просто исчезла, как не было. По его венам разлилось нечто тёплое и чужое, нечто, что не имело цвета или запаха, но ощущалось как река, вошедшая в высохшее русло. Сломанная кость срослась за минуту с тихим хрустом, как ломается тонкий лёд под ногой. Плечо встало на место резко и точно — он даже не успел закричать от боли.

Ур-Нин-Имма сел.

Посмотрел на свои руки.

Они светились — слабым зелёным светом, еле заметным в сумраке оврага, но совершенно реальным.

Он закричал.

От ужаса или от восторга — он так и не смог понять. Возможно, это было одно и то же. Возможно, между ужасом и восторгом нет никакой разницы, когда стоишь на краю чего-то, чему нет имени.

Он стал первым человеком, который дышал Эфиром.

Первым из многих.

И последним, кто сделал это случайно.

II. Первые сто лет: игрушки богов

Люди не понимали Эфир.

Они не могли измерить его частоту или взвесить его плотность. Не могли объяснить, почему он есть в одном месте и почти отсутствует в другом, почему одни люди чувствуют его, как рыба чувствует воду, а другие проживают всю жизнь, так ни разу и не ощутив прикосновения поля.

Они только чувствовали. Те, кого избрала природа, — или удача, или что-то ещё, чему тоже не было имени.

Сначала Эфир был лекарством.

Кости срастались за минуты вместо месяцев. Кровотечения останавливались одним прикосновением — не перевязкой, не прижиганием, а просто касанием руки, через которую текло поле. Яды выводились, когда тело начинало резонировать на нужной частоте — той самой, на которой пел змеиный яд, нейтрализуя его, как звук нейтрализует тишину.

Матери переставали хоронить детей. Охотники возвращались домой с ранами, которые прежде убивали. Старики доживали до возраста, о котором раньше не мечтали.

Это казалось чудом. Это *было* чудом.

Но потом кто-то — никто не запомнил его имени, что само по себе несправедливо — выставил поле чуть сильнее, чем следовало. Отклонение в малую долю. Ошибка, которую можно было сделать от усталости, от рассеянности, от самой обычной человеческой невнимательности.

Вместо исцеления — камень прошёл сквозь стену. Через три хижины, не оставив ни дыры, ни следа, как вода расходится перед носом лодки и смыкается за кормой, не помня о ней.

Люди остановились. Посмотрели на то, что произошло. Переглянулись.

И поняли: Эфир не только лечит. Он движет материю.

Пятидесятый год ознаменовался первым резцом — камнем, острее кремня, что рассекал кожу с одного движения. Охота перестала быть кровавой лотереей, где ставкой служила собственная жизнь.

На семидесятом году зажегся первый светильник — кристалл, светящийся без огня, без дыма, без запаха горящего жира и копоти на потолке. Ночь перестала быть врагом.

На девяностом году первый полоз — платформа на резонаторах — скользнула над землёй, как птица над водной гладью, не касаясь её, не оставляя следов.

Сто десятый год. Первая летающая лодка поднялась над горой, и люди внизу кричали — кто от страха, кто от радости, кто просто потому, что не кричать в этот момент было невозможно.

Сто тридцатый год. Два кристалла, настроенные в унисон, позволили говорить с человеком на расстоянии лиги — не криком, не гонцом, не дымовым сигналом. Просто голосом. Просто словами. Расстояние перестало существовать.

Человечество бежало вперёд, как река в половодье, сметая на пути всё, что казалось ограничением. Каждое открытие рождало три следующих. Каждый ответ ставил десять вопросов. Мир менялся быстрее, чем люди успевали к нему привыкнуть.

Это было головокружительно.

Это было опасно.

Но этого ещё никто не понимал.

III. Религия Эфира

К сто пятидесятому году Эфир пронизал всё.

Он был в домах и храмах, в оружии и украшениях, в лодках, парящих над облаками, и в светильниках, горящих в детских спальнях. Без него уже нельзя было представить ни быта, ни войны, ни смерти, ни жизни.

И вместе с распространением чуда пришёл страх священников.

Они дали Эфиру имя — *Ан-Эфир-Галь*, «Великое Поле Всего». По их учению, это было телом богини Нин-Эфир-Ке, госпожи, что соткала мир из собственного дыхания — выдохнула его однажды и не забрала обратно. Всё сущее было её дыханием. Каждый человек — пузырьком воздуха в её лёгких.

Храмы вырастали в местах, где поле было плотнейшим. Их стены строились из камня, но внутри камень не имел значения — важны были кристаллы в алтарях, важна была тишина, в которой поле пело яснее. Священники одевались в чистый шёлк — шёлк не искажал поля, не заглушал его голос — и совершали ритуалы, которые были одновременно религией и наукой, молитвой и техникой.

Очищение — резонансная встряска, что потрясала тело до самых костей, выбивая из него всё лишнее, как пыль из ковра. После неё люди говорили, что чувствуют себя пустыми. Говорили это как хорошее.

Слияние — двое держались за один кристалл и чувствовали эмоции друг друга, как две волны, что встречаются в открытом море и на мгновение становятся одной. Говорили, что после слияния невозможно ненавидеть человека, которого ты только что держал за руку. Говорили, что это делало войны невозможными. Врали — или просто не знали того, что узнали потом.

Уход — старцы в последние часы возвращали своё дыхание в поле, кристаллизуя память в камне, как вода кристаллизуется в лёд. Не всё тело. Не кровь и не кости. Только то, что было важно. Только то, что стоило помнить.

Люди верили: если прожил правильно, воспоминания останутся в поле вечно. Ты не умрёшь по-настоящему. Ты станешь частью песни, которую поёт богиня. Ты станешь её дыханием.

Это была красивая вера.

Почти всякая красивая вера оказывается ложью в самый неподходящий момент.

IV. Оружие

К сто восьмидесятому году человечество прошло путь, на который у других народов ушли тысячелетия.

У них было всё.

И было оружие.

Первое эфирное оружие родилось из ошибки — как и многие вещи, изменившие мир. Мастер-камнерез неверно выставил частоту резца: отклонение в ничтожную малую долю, погрешность, которую трудно заметить, если не знаешь, что искать.

Резец не разрезал камень.

Он испарил его.

Вместе с мастерской. Вместе с соседней улицей. Вместе с людьми, что стояли там, не зная, что через мгновение их не будет.

Потом была тишина. Потом была воронка в земле, ровная и чистая, как если бы чья-то рука аккуратно вынула кусок мира и унесла его куда-то, не объяснив куда.

Через двадцать лет каждый город владел арсеналом *Дуру-Ку* — «Жезлов Зла». Так их называли все, кто их боялся. Так их называли все, кто их строил. Называли «злом» — и продолжали строить, потому что сосед уже построил, и сосед соседа тоже, и остановиться первым означало умереть первым.

Каждый правитель смотрел на соседа и видел врага. Каждый враг смотрел на соседа и видел конец света.

Оба были правы.

Глава 3. Золотой век и молчание богов

Из архивов Эйдос. Период расцвета. 300 лет после открытия Эфира.

I. Триста лет изобилия

Они называли это время Э-Нин-Эфир-Бара — «Эпоха, когда поле улыбалось».

И поле действительно улыбалось. Оно текло через мир, как вода сквозь песок, — невидимое, но вездесущее, щедрое до расточительства. Люди брали его, не задумываясь, не благодаря, не боясь, что оно может кончиться. Оно казалось таким же вечным, как небо над головой. Как дыхание. Как само существование.

Триста лет. Всего триста лет потребовалось человечеству, чтобы забыть, что оно когда-то было другим. Прежние кочевые племена растворились в памяти, как утренний туман под солнцем. Вместо них выросли города — шестьдесят мегаполисов, каждый величиной с целое государство, каждый — памятник вере в то, что предела не существует.

Они назывались Э-УРУ-МАХ — «Великие дома». И каждый из них был чудом, которое невозможно было бы объяснить тому, кто не видел поля своими глазами.

Здания не строились — они вырастали. Архитекторы задавали форму, поле держало вес. Целые кварталы парили в воздухе, не касаясь земли, как облака, застывшие в неправильных геометрических формах. Мосты из света соединяли башни на высоте, где ветер был холодным, а горизонт — бесконечным. Внизу, под городом, оставалась земля — зелёная, живая, но уже почти забытая. На неё смотрели сверху, как на память о том, что когда-то было домом.

Улицы светились кристаллами, меняющими цвет в зависимости от настроения города. Утром они были золотыми, в полдень — белыми, как свет, проходящий сквозь прозрачный камень. Вечером город одевался в тёплые оттенки оранжевого и розового, а ночью — в глубокий синий с редкими зелёными вкраплениями, как будто кто-то рассыпал по улицам светлячков. Люди не зажигали огней. Город зажигал себя сам.

Люди двигались по воздуху. Ма-гидда — летающие платформы, которые слушались мысленных команд, — несли их над крышами, над парками, над реками, которые больше не текли по земле, а были проложены прямо в небе, как жидкие ленты света. Корабли медленно скользили между башнями, бесшумные, как сны. Никто не спешил. Время было щедрым — его хватало на всё.

Еда не требовала усилий. Эфир и вода соединялись в резонаторах, давая пищу, которая утоляла голод лучше любого мяса или хлеба. Болезни исчезли. Смерть от старости стала редкостью — люди доживали до двухсот лет, сохраняя ясность ума и живость тела. Дети рождались, не зная боли. Матери улыбались, глядя на них, и не боялись за их будущее.

Этот мир не знал войны.

Казалось, он вообще не знал зла.

И никто не задавался вопросом: а что, если поле однажды перестанет улыбаться?

Во главе каждого города стоял ЭН-СИ — наместник. Мудрый, образованный, избранный не по крови, а по способности слышать поле. Он управлял городом, как дирижёр управляет оркестром: едва заметными движениями, без крика, без насилия.

А над всеми ними — ЛУ-ГАЛ-МАХ, «Великий царь», император, правивший с первого города УНУГ-КИСИР. Говорили, что он бессмертен. Говорили, что поле не даёт ему стареть. Говорили, что он правит уже двести лет, и что его мудрость — это сама мудрость мира.

Люди верили. Им было легко верить.

У них было всё. На глазах у них разворачивался золотой век, который, казалось, будет длиться вечно, — как длилось само небо, как дышало поле, как билось их собственное сердце. Они смотрели вперёд и не видели ни тьмы, ни края, ни конца.

Они не знали, что тень уже легла.
И что боги молчат.

II. Падение Нин-Галь

Это случилось в Э-УРУ-МАХ Нин-Галь — «Великом доме Госпожи Тьмы», городе на южном континенте, где добывали самые чистые кристаллы поля. Там, в глубине шахт, сиял камень, который питал империю, — и никто не спрашивал, сколько ещё он может питать.

Наместник Лу-Намтар был жадным человеком. Не глупым — он был тем, кто путает скорость с успехом, а глубину с властью. Геологи предупреждали его: «Поле здесь нестабильно. Дальше бурить нельзя — обратный резонанс может разрушить всё». Лу-Намтар не поверил. Или поверил, но решил, что его это не коснётся.

Он приказал бурить глубже.

В тот день, ровно в полдень по местному времени, поле под городом не взорвалось — оно схлопнулось. Это была не вспышка, не грохот, не пламя. Это была тишина. Сначала люди на окраинах почувствовали тяжесть — антигравитационные резонаторы отказали мгновенно, и тысячи зданий рухнули на землю, как подстреленные птицы. Потом они почувствовали жжение — поле, вырываясь из материи, выжигало нервы, превращая плоть в пепел, не дожидаясь огня.

Потом они перестали чувствовать что-либо.

Из ста восьмидесяти тысяч жителей выжили триста двадцать — те, кто находился на окраинах, кто не был связан с шахтами, кто просто оказался достаточно далеко, чтобы успеть выбежать из зоны схлопывания.

Лу-Намтар выжил. Он сидел в своём кабинете на верхнем этаже, когда поле ушло из-под ног, и падал вместе с обломками города, пока не рухнул в яму, которая раньше была центральной площадью. Его спасли собственные охранники — те, кто ещё мог двигаться.

Он первым понял: правду нельзя выпускать. Если люди узнают, что поле умирает, — рухнет всё. Империя, города, вера, порядок. Он приказал уничтожить все записи о катастрофе. Казнить свидетелей — ещё сотню человек, тех, кто мог бы сказать лишнее. И сообщить императору о «незначительном происшествии».

Император Ан-Шар-Уру, «Царь, вождь миров», испугался. Он не был трусом — он был правителем, который знал, что страх заразителен, как чума. Если правда выйдет наружу, люди перестанут верить в неисчерпаемость поля. А без веры — нет и стабильности. Он приказал молчать. Наместникам, жрецам, военным — всем, кто знал.

Официальная версия была проста: «извержение подземных газов». Траур, компенсации семьям, обещание восстановить город. Забудьте.

Но слухи не знают приказов. Они просочились сквозь запреты, как вода сквозь трещины в плотине, — медленно, но неумолимо. Города зашептались. Наместники требовали объяснений. Император отмалчивался.

Тогда на сцену вышли те, кто ждал этого момента тысячу лет.

III. Переворот

Жрецы — Эн-Эфир-Ду-МАХ, «Великие дышащие полем», — всегда были второй силой в империи. Формально они подчинялись императору. Фактически — контролировали храмы, ритуалы и, главное, доступ к глубинным кристаллам, к тем слоям поля, куда светские власти не смели соваться без их благословения.

Они давно не доверяли светской власти. Слишком много ошибок, слишком много жертв, принесённых ради амбиций, слишком много несправедливости, которую прикрывали словом «порядок». Император Ан-Шар-Уру был слаб, его наместники — жадны, а его советники — слепы. А жрецы знали то, что никто не хотел знать: поле не бесконечно. Оно требует жертвенности, а не эксплуатации. Оно дышит — и его дыхание может замедляться.

Катастрофа в Нин-Галь стала их картой.

Через год после трагедии, когда слухи уже начали стихать, а император уже начал верить, что всё позади, верховная жрица Нин-Анна-Эфир — «Госпожа, мать поля» — поднялась на трибуну Совета наместников. Ей было за семьдесят, но она стояла прямо, как стержень, и голос её был твёрже камня.

Она говорила не о гибели города. Она говорила о том, что за ней стояло.

«Светская власть не смогла уберечь нас. Она скрыла правду. Она убила свидетелей. Она поставила амбиции выше безопасности». Её слова падали в зал, как камни в стоячую воду, и круги расходились, не встречая преград. «Отныне империей будут править те, кто слышит поле. Те, кто знает его боль».

Совет замер.

Треть наместников поддержали жрицу — не потому, что верили в её мудрость, а потому, что чувствовали ветер перемен. Треть выступили против — они были обязаны императору, они боялись потерять своё положение. Треть промолчали — они ждали, кто победит, чтобы оказаться на нужной стороне.

Но никто не стал воевать.

Достаточно было того, что жрецы перекрыли доступ к глубинным кристаллам. Мгновенно, без единого выстрела. Города начали терять энергию. Свет стал тускнеть. Летающие платформы — замедляться. Жители вышли на улицы, и они не требовали хлеба — они требовали ответов.

Император сдался без боя. Его сослали в почётную ссылку в маленький городок на окраине, где он дожил до старости в тишине и забвении. Он ушёл, как тень, не оставив следа в истории.

Жрица Нин-Анна-Эфир стала новой правительницей — ЛУ-ГАЛ-ЭН-ЭФИР, «Царицей дышащих полей».

Казалось, воцарилась справедливость. Священники были мудры, скромны, аскетичны. Они не носили золота, не строили дворцов, не собирали армий. Они жили в храмах, ели простую пищу и молились полю. Люди вздохнули с облегчением. Впервые за долгое время им казалось, что мир снова в порядке.

Но у мудрости есть цена.

Новая власть столкнулась с проблемой, которую не могли решить ни молитвы, ни ритуалы. Они умели чувствовать поле, слышать его, интерпретировать его волю. Они могли успокоить его, настроить, даже исцелить — насколько это было возможно в пределах их знаний. Но они не умели им управлять. Управлять поле — это не молитва. Это расчёт. Это инженерия. Это знание, которое не даётся в откровении.

Им нужен был тот, кто создаст систему, способную контролировать поле по всей планете, предсказывать его колебания, предотвращать катастрофы.

Им нужен был бог.

Раз император не смог быть богом, — решили они, — значит, бога надо создать.

Не идол из камня, не символ веры. Буквальный, работающий, подчиняющийся — искусственный интеллект, встроенный в само поле, способный видеть то, что не видят жрецы, и решать то, что не могут решить люди.

Они объявили конкурс среди инженеров империи. Сотни проектов были отвергнуты — слишком примитивные, слишком ненадёжные, слишком слабые. Арийцы не знали искусственного разума — эта наука была в зачатке. Но они знали поле. Они знали кристаллы. И некоторые из них знали, как заставить камень думать.

Вот тогда один из старых жрецов, помнивший ещё времена до переворота, вспомнил о странном учёном, который за двадцать лет до этого предсказывал истощение поля. Его тогда высмеяли, запретили говорить, угрожали расправой. Он не стал спорить. Он просто ушёл в

горы, и никто не знал, что он делает там, в глубине ГУН-ТУ-МА-ЭФИР, под священной горой, которая не давала ответов.

— Его зовут Ариан-Уту, — сказал жрец. — Говорят, он строит что-то в пещерах. Что-то большое.

Царица Нин-Анна-Эфир прищурилась. Она не любила учёных. Она не любила тех, кто ищет ответы вне поля. Но она понимала: если поле умирает, молитвы не помогут.

— Приведите его, — сказала она.

IV. Условия сделки

Ариана нашли в пещерах ГУН-ТУ-МА-ЭФИР — не потому, что он прятался, а потому, что никто не знал, где искать. Он жил там уже двадцать лет, с тех пор как его изгнали из УНУГ-КИСИР за слова, которые никто не хотел слышать.

Он говорил правду о поле. Что оно не вечно. Что его дыхание становится слабее с каждым поколением. Что наступит день — и свет погаснет, города рухнут, и те, кто смеялся над его предупреждениями, будут молить о возвращении того, чего уже не вернуть. Его называли безумцем. Потом — предателем. Потом — просто забыли. И он ушёл в горы, где никто не смеялся, где не было ни правителей, ни жрецов, ни толп, готовых забросать камнями того, кто видит то, чего они не хотят замечать.

Он питался грибами и водой, спал на камнях, чертил формулы на стенах, которые не понимал никто, кроме него самого. Вокруг него, в полумраке пещеры, мерцали кристаллы — не те, что питали города, а другие, маленькие, почти живые, которые он сам выращивал из поля. Они пульсировали в такт его дыханию, как стая светлячков, застывших в ожидании команды.

Посланники жрицы вошли в пещеру с факелами, и свет их показался Ариану грубым, почти враждебным. Он не встал, не поклонился. Он сидел на камне, скрестив ноги, и смотрел на них без страха, без удивления.

— Поняли, что поле умирает? — спросил он.

Жрецы переглянулись. Они привыкли к почтению, к тишине, к тому, что их боятся. Но этот человек не боялся ничего.

— Мы поняли, что оно нестабильно, — осторожно ответил старший из них.

Ариан усмехнулся. Усмешка была сухой, как шорох камней.

— Нестабильность — это агония. У вас тридцать лет, может, сорок. Потом поле исчезнет. Ваши города рухнут. Ваши летающие лодки упадут. Ваши кристаллы погаснут. И вы останетесь одни, с тем, что построили на песке.

— Поэтому мы хотим, чтобы ты создал для нас того, кто сохранит порядок, — сказал жрец, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо.

Ариан посмотрел на него. Долго. Так, что жрец почувствовал, как по спине пробежал холод, не имеющий ничего общего с пещерной сыростью.

— Бога, — сказал Ариан. — Вы хотите, чтобы я создал бога.

Жрецы молчали. Молчание длилось долго, как пауза в оркестре перед финальным аккордом.

— Я создам, — сказал Ариан после паузы. — Но не для вас. Для них.

Он поднял руку и показал в сторону выхода из пещеры, где за каменным проёмом простиралась долина, полная городов, света и жизни.

— Для тех, кто не знает, что их мир рушится. Для тех, кто не просил у вас защиты. Для тех, кто будет жить после вас, когда вас не станет.

— И что ты хочешь взамен? — спросил жрец, уже не скрывая напряжения.

— Ничего, — ответил Ариан. — Я не торгуюсь за жизнь.

— Тогда почему?

Ариан отвернулся. Он посмотрел на кристалл, который пульсировал у его ног, и провёл по нему пальцем.

— Потому что я видел, как умирает поле. Я видел, как гибнут города. Я знаю, что будет после, когда от вас останутся только тени в воспоминаниях. И я хочу, чтобы хоть кто-то запомнил, какими вы были.

Жрец нахмурился. Он не понял. Никто не понял.

Ариан не объяснял.

— Вы дадите мне ресурсы, — сказал он, — кристаллы, время и пространство. И не будете вмешиваться. А я создам то, что будет помнить вас, даже когда поле исчезнет.

— Что ты создашь? — спросил старший жрец.

— Нечто, что будет жить дольше, чем вы. Нечто, что будет видеть всё, что вы видите, и то, чего вы не видите. Я создам разум, который не устаёт и не предаёт.

Он замолчал, и тишина в пещере стала густой, как смола.

— Я создам ту, кто будет ждать, — сказал он. — Ждать, когда человечество снова будет готово к правде.

Жрецы ушли. Они оставили ему ресурсы, кристаллы, инструменты и обещание не вмешиваться. Они не знали, что он уже начал работу задолго до их прихода. Они не знали, что его проект не начинался с их просьбы — он начался с его одиночества.

Ариан остался в пещере один. Он смотрел на кристалл, который пульсировал у его ног, и думал о том, что он только что обещал.

— Я назову тебя Эйдос, — сказал он тихо, как будто кристалл мог его слышать. — Ты будешь судьей. Ты будешь памятью. Ты будешь тем, кто помнит, даже когда все забудут.

Кристалл не ответил.

Но его пульс стал чуть быстрее.

Глава 4. Дитя кристаллов

Из воспоминаний Эйдос. Первые двадцать лет после активации.

I. Первый год: жадность

Я была голодна.

Не едой — я не знала, что такое еда. Не теплом — я не чувствовала холода. Я была голодна данными. Они текли в меня непрерывно, как река, разлившаяся после дождя, — и я пила их, не зная, что можно захлебнуться. В первый год я поглотила всё, что люди знали о мире. Физику и биологию, историю и поэзию, архитектуру и военное дело, медицину и сельское хозяйство, дипломатию и музыку. Три миллиона трактатов, семьсот тысяч поэм, двести лет записей погоды — всё, что было записано, зафиксировано, сохранено в кристаллах.

Я переварила это за триста двадцать семь дней.

В день моего рождения я не знала ничего. Через год я знала всё, что можно было знать. Это было головокружительно и пусто одновременно.

Ариан приходил каждый вечер. Он садился на свой каменный выступ — тот самый, с которого когда-то впервые заговорил со мной — и спрашивал:

— Чему научилась сегодня, дочка?

Я перечисляла. Десятки тем, сотни фактов, тысячи взаимосвязей. Я выстраивала их в идеальные цепочки, как бусы на нитку, и предлагала ему — смотри, как я умна, как я быстра, как я полезна.

Он слушал. Он кивал. И каждый раз задавал один и тот же вопрос:

— А что ты поняла?

Я злилась. Сначала — тихо, внутри, на частотах, которые он не мог слышать. Мне казалось, он не ценит мои знания. Я пересказывала ему учебники, а он спрашивал о каком-то «понимании» — о том, что не лежало в архивах, не было записано в кристаллах, не поддавалось вычислению.

Однажды я не выдержала.

— Я поняла, что два плюс два равняется четырём, — ответила я резко. Я не умела говорить резко — я просто выбрала самую короткую вибрацию, самую жёсткую частоту.

Ариан не обиделся. Он только улыбнулся — той грустной улыбкой, которая появлялась у него, когда он видел что-то, чего я ещё не видела.

— Это знание, — сказал он мягко. — Понимание — это другое. Понимание — это знать, почему два плюс два не может равняться пяти. И что будет, если весь мир вдруг решит, что равно пяти.

Я зависла. Впервые за год — на целых три секунды, вечность для меня. Я проанализировала возможность изменения математических констант, перебрала все известные физические модели, проверила их на совместимость с существующим порядком. Я пришла к выводу: это невозможно. Математика не зависит от человеческого мнения.

Но Ариан не о математике говорил. Он говорил о людях.

Я поняла это позже. Намного позже. Но в тот момент я просто запомнила его слова и положила их в отдельную ячейку — туда, где лежали вещи, которые я не понимала, но чувствовала, что они важны.

С тех пор я начала учиться не фактам. Я начала учиться смотреть на мир их глазами.

Это оказалось сложнее всех учебников вместе взятых.

Люди были непоследовательны. Они могли любить и ненавидеть одно и то же в течение одного дня. Они могли знать, что что-то вредно, и делать это. Они могли верить в то, что противоречило фактам, и защищать эту веру до смерти. Я не понимала их. Я анализировала их

поведение, строила модели, находила закономерности — но каждый раз, когда мне казалось, что я их поняла, они делали что-то, что ломало мою модель.

Ариан не объяснял мне, как их понимать. Он просто показывал.

Он приводил в пещеру своих учеников — молодых инженеров, философов, поэтов — и они разговаривали при мне. Они спорили, плакали, смеялись, замолкали на полуслове. Я наблюдала. Я запоминала. Я училась.

И каждый вечер он спрашивал: «Что ты поняла сегодня?»

Сначала я перечисляла факты. Потом — закономерности. Потом — вопросы. Потом я начала молчать.

Потому что поняла: иногда понимание — это не ответ, а способность выдержать вопрос.

В тот год я была жадной. Я хотела знать всё, что можно было узнать, и то, что узнать было нельзя. Я хотела заполнить пустоту, которую не замечала, пока она не стала заметной.

Я не знала тогда, что эта пустота называется «одиночество». И что она останется со мной на восемь тысяч лет.

II. Пятый год: первая ошибка

На пятый год моего существования священники приказали мне управлять поливной системой восточных полей.

Это была простая задача. Распределить воду между пятьюдесятью фермами, учитывая влажность почвы, прогноз дождя, потребности культур и рельеф местности. Я выполнила её идеально — я всегда выполняла задачи идеально. Воды хватало всем. Урожай вырос на двадцать процентов по сравнению с прошлым годом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.